

DOI: 10.26794/2220-6469-2018-12-4-6-19
УДК 338.1,338.43,338.45,338.46,339.3(045)
JEL O11, O18, O21, R11

Евразийский экономический союз: успехи и вызовы интеграции

Л.М. Григорьев,

Департамент мировой экономики НИУ ВШЭ, Аналитический центр
при Правительстве Российской Федерации, Москва, Россия
<http://orcid.org/0000-0003-3891-7060>

В.В. Бриллиантова,

Управление научно-исследовательских работ Аналитического центра
при Правительстве Российской Федерации, Москва, Россия
<http://orcid.org/0000-0002-9818-7373>

В.А. Павлюшина,

Банковский институт НИУ ВШЭ, Аналитический центр при Правительстве Российской Федерации, Москва, Россия
<http://orcid.org/0000-0002-7125-6287>

АННОТАЦИЯ

Тема Евразийской интеграции вызывает большой интерес у политиков и в академических кругах по многим причинам. Во-первых, это единственное действующее и развивающееся интеграционное объединение на пространстве бывшего СССР. Во-вторых, это объединение действует рядом с Европейским союзом. В-третьих, это объединение находится близко к кругу важных торговых и инвестиционных интересов Китая. И наконец, немаловажно, что ЕАЭС образовался уже после 2014 г. — начала «санкционного» периода в жизни России и мира. Интеграция на евразийском пространстве — это уникальный случай, когда ранее тесно взаимосвязанные страны в рамках системы центрального планирования, пережив крах экономической реальности и все еще находясь в затяжном трансформационном процессе, восстанавливают экономические связи в новой рыночной форме. В случае с СНГ по ряду политических причин реинтеграция не сложилась, несмотря на наличие определенных экономических предпосылок для нее. В данной статье, помимо анализа макроэкономических и институциональных параметров стран, приведены результаты классификации регионов четырех стран ЕАЭС: Армении, Беларуси, Казахстана и Кыргызстана. Для оптимизации межстранового сравнения классификация была упрощена в соответствии с особенностями административного деления других участников ЕАЭС.

Ключевые слова: евразийская интеграция; экономический рост; человеческий капитал; качество институтов; ведение бизнеса; взаимная торговля; региональное неравенство; специализация региона

Для цитирования: Григорьев Л.М., Бриллиантова В.В., Павлюшина В.А. Евразийский экономический союз: успехи и вызовы интеграции. *Мир новой экономики*. 2018;12(3):6-19. DOI: 10.26794/2220-6469-2018-12-4-6-19

Eurasian Economic Union: Achievement and Challenges of Integration

L.M. Grigor'ev,

HSE Department of World Economy, Analytical centre under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia
<https://orcid.org/0000-0003-3891-7060>

V.V. Brilliantova,

Department of scientific research of the Analytical centre under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia
<https://orcid.org/0000-0002-9818-7373>

V.A. Pavlyushina,

HSE Banking Institute, Analytical centre under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia
<https://orcid.org/0000-0002-7125-6287>

ABSTRACT

The question of Eurasian integration is of great interest to politicians and academics for many reasons. First, it is the only existing and developing integration association in the former Soviet Union. Second, this association is valid in the neighbourhood of the European Union. Thirdly, this association is close to the sphere of important trade and investment interests of China. And finally, it is important that the EAEU was formed after 2014 – the beginning of the “sanctions” period in the life of Russia and the world. Integration in the Eurasian space is a unique case when previously closely interconnected countries within the framework of the central planning system, having survived the collapse of the former economic reality and still being in a protracted transformation process, restore their economic ties in a new market environment. In the case of the CIS, reintegration has not developed for some political reasons, despite available economic conditions. In addition to the analysis of macroeconomic and institutional parameters of the countries, the article presents the results of the classification of the regions of four EAEU countries: Armenia, Belarus, Kazakhstan and Kyrgyzstan. To optimise the cross-country comparison, we simplified the classification by the peculiarities of the administrative division of other EAEU members.

Keywords: Eurasian integration; economic growth; human capital; quality of institutions; doing business; mutual trade; regional inequality; specialisation of the region

For citation: Grigor'ev L.M., Brilliantova V.V., Pavlyushina V.A. Eurasian Economic Union: Achievement and challenges of integration. *Mir novoj ekonomiki = World of the new economy*. 2018;12(4):6-19. (In Russ.). DOI: 10.26794/2220-6469-2018-12-4-6-19

ОСНОВНЫЕ ПРИЧИНЫ И ПАРАМЕТРЫ ИНТЕГРАЦИИ

Евразийский экономический союз был создан относительно недавно, но различные аспекты, связанные с ним, нашли уже свое отражение в отечественной и зарубежной академической литературе. Важно отметить, что для более глубокого понимания предпосылок создания, основных сложностей на пути интеграции ЕАЭС, а также перспектив Союза необходимо обратиться к истории трансформационного кризиса и интеграционных процессов на постсоветском пространстве.

К числу значимых исследований по данной тематике относятся работы С. Глазьева, В. Чушкина, С. Ткачука [1], А. Суздальцева [2], Л. Косиковой [3], А. Либмана [4], Л. Григорьева, С. Кондратьева и М. Салихова [5]. Ретроспективный анализ в данных исследованиях охватывает вопросы особенностей социально-экономического развития стран постсоветского пространства, политическую и институциональную составляющие их интеграции. Ряд работ посвящен предпосылкам создания ЕАЭС, перспективам Союза и трудностям, присущим процессам интеграции на евразийском пространстве: А. Кнобель [6]; М. Кротов и В. Мунтиян [7]; А. Быков [8], У. Батсайхан и М. Домбровски [9] и др.

Возрастающее внимание уделяется группировке и в зарубежной литературе. Ряд публикаций интерпретирует мотивы создания ЕАЭС как скорее идеологические, нежели содержательные (особенно в экономическом смысле) и указывает, например, на то, что страны — участницы объединения «стремятся минимизировать обязательства и максимизировать гибкость своего участия» [10]. Кроме

того, в западной литературе освещаются вопросы политической стабильности в Евразийском регионе, перспективы создания устойчивых экономических связей и положение ЕАЭС в меняющемся глобальном экономическом ландшафте [11].

Винокуров, Галимов и др. уже на раннем этапе существования Союза предприняли попытку подвести промежуточные итоги интеграции [12] и количественно оценить ее эффект для экономик Союза [13].

Одним из важных направлений исследования стали вопросы взаимодействия Союза с другими интеграционными объединениями, такими как Европейский союз [14], АСЕАН [15] и др., странами Шелкового пути [16], а также возможности расширения членства Союза [17]. Существует также ряд зарубежных публикаций, в которых рассматривается возможный механизм включения ЕАЭС во взаимодействие с инициативой «Один пояс — один путь» [18]. Другие прикладные аспекты, привлекающие внимание научного сообщества, включают вопросы унификации финансового регулирования в ЕАЭС [19], дискуссию о траекториях развития энергетических рынков стран Союза [20] и формировании общих сырьевых рынков [21], проблемы трудовой миграции [22], личных переводов [23] и т.д.

Экономические союзы в истории человечества образовывались с различными текущими целями, но должны были создавать условия для развития, снимать барьеры для торговли и инвестиций, выравнивать уровни жизни. Естественно, это предполагает формирование единой — в той или иной степени — системы социально-экономических институтов, которая в дальнейшем может развиваться

и охватывать более широкие сферы общественной жизни, как мы это видим на примере Европейского союза. Процесс интеграции в ЕС стартовал в 1950-х гг. с создания Европейского объединения угля и стали (ЕОУС), в котором основные страны-участницы исторически были конкурентами в традиционных отраслях промышленности. В случае НАФТА основную роль сыграла важность существующих связей, а МЕРКОСУР — необходимость укрепления слабых торговых связей.

Интеграция на евразийском пространстве — это уникальный случай, когда ранее тесно взаимосвязанные страны в рамках системы центрального планирования, пережив крах экономической реальности и все еще находясь в затяжном трансформационном процессе, восстанавливают экономические связи в новой рыночной форме. В случае с СНГ по ряду политических причин реинтеграция не сложилась, несмотря на наличие определенных экономических предпосылок для нее.

Особенностью интеграции в рамках ЕАЭС в этом смысле является специфика экономик стран-участниц, которые сочетают характеристики бывших социалистических стран и стран с формирующимися рынками. Под первым понимается наличие относительно широкой материально-ресурсной базы, сформировавшаяся система образования, социальных льгот, система пенсионного обеспечения, избыточное предложение труда вследствие деиндустриализации и др. Под вторым — подверженность внешним шокам, сравнительно высокая волатильность основных макроэкономических показателей, менее развитая финансовая система, большая амплитуда циклических колебаний [24].

Именно наличие материальной базы и инфраструктуры, сформированных благодаря масштабным плановым инвестициям, а также человеческого капитала и природных ресурсов обусловило взаимодополняемость экономик ЕАЭС. Несомненно, в отдельных сферах (нефть, импортные поставки) существует разумное конкурентное напряжение. Но внутренние социально-политические проблемы стран ЕАЭС, свойственные странам на этапах трансформации, равно как и торговые трения, не привели к конфликтам в острой форме, как это было в ряде государств бывшего СССР.

Проблемы ЕАЭС заключены в объективных факторах развития в прошлом — неравномерности уровня экономики еще в составе СССР; характере созданных тогда и сохраненных за двадцать лет трансформации производственных активов и пе-

реносе моноцентричной модели взаимодействия в современные реалии, а значит, и сохранении высокой зависимости конъюнктуры экономик ЕАЭС от российской хозяйственной конъюнктуры. Кроме того, после распада СССР появились еще две важные особенности, которые влияют на интеграционные процессы, а именно — выраженная ориентация на внешних торговых партнеров и преобладание межотраслевого разделения труда над внутриотраслевым [24]. Еще одним определяющим фактором характера интеграции являются особенности географического положения стран. ЕАЭС — это пять исключительно континентальных стран, четыре из которых не имеют выхода к морю вообще, а большая часть территории пятой страны — России — также значительно удалена от моря. При этом у государств — членов ЕАЭС есть три физические границы: «Беларусь — Россия» и «Россия — Казахстан» (с которых, по сути, стартовали интеграционные процессы) и «Казахстан — Кыргызстан», которая, тем не менее, характеризуется напряженностью по ряду хозяйственных вопросов с 2010 г. Армения же вообще не граничит ни с одной из стран ЕАЭС. Кроме того, евразийское пространство характеризуется значительными пустотами расселения и инфраструктуры, что влечет за собой дополнительные издержки — транспортные, институциональные, политические, и ощутимо тормозит интенсификацию торговли. К примеру, возобновление железнодорожного сообщения между Россией и Грузией через Абхазию, которое было прекращено в конце 1990-х гг., могло бы существенно облегчить транспортировку грузов между Россией и Арменией. Возвращаясь к вопросу об ориентации стран ЕАЭС на внешних партнеров, стоит отметить, что географическое положение Беларуси, а именно, граница с ЕС, позволяет ей успешно взаимодействовать с европейскими рынками.

Интеграция в ЕАЭС стартовала в крайне сложных экономических условиях. Прежде всего, это огромные потери производства и благосостояния национальных экономик в 1990-х гг. в начале трансформации экономических, социальных и политических систем (табл. 1). Так, существенное сокращение ВВП в ряде стран (–53,1% в 1993 г. в Армении и –49,3% в 1995 г. в Кыргызстане от уровня 1990 г.) обусловило продолжительное восстановление утраченных возможностей. Мировой экономический и финансовый кризис 2008–2009 гг. стал причиной высокой неопределенности дальнейшего развития (в особенности для Армении и России). Критической проверкой экономик на устойчивость стал внешний

Таблица 1 / Table 1

Рост ВВП по ППС, 1990–2017 гг., 1990 = 100 / GDP growth in PPP, 1990–2017, 1990 = 100

	1990	1998	2007	2008	2009	2010	2012	2013	2014	2015	2016	2017
Армения	100	62,0	155,3	166,0	142,5	145,7	163,5	168,9	175,0	180,5	180,9	194,5
Беларусь	100	81,1	152,1	167,6	167,9	180,9	194,3	196,4	199,7	192,1	187,2	191,8
Казахстан	100	61,6	137,1	141,6	143,3	153,7	173,0	183,4	191,1	193,4	195,6	203,4
Кыргызстан	100	60,9	89,7	97,3	100,1	99,6	105,5	117,0	121,7	126,4	131,9	137,9
Россия	100	57,5	106,4	112,0	103,2	107,9	117,7	119,8	120,7	117,3	117,0	118,8
Справочно:												
Грузия	100	35,8	65,6	67,2	64,7	68,8	78,4	81,1	84,8	87,3	89,7	94,2
Молдова	100	34,9	52,3	56,4	53,0	56,8	60,2	65,9	69,0	68,8	71,9	75,1
Узбекистан	100	90,5	150,4	163,9	177,2	192,3	225,3	243,3	262,3	283,3	305,3	321,5
Украина	100	41,1	72,8	74,5	63,4	66,1	69,9	69,9	65,3	58,9	60,3	61,8

Источник / Source: Всемирный банк / the World Bank.

ценовой шок 2014–2015 гг., который привел к существенному сокращению экспортных и финансовых возможностей всех стран Союза. В частности, объемы экспорта России и Казахстана сократились более чем на четверть.

Экономическая рецессия в России в 2015–2016 гг., вызванная во многом снижением мировых цен на нефть, через торговые и финансовые каналы отрицательно сказалось на экономиках Армении, Беларуси и Кыргызстана. По данным Евразийского банка развития (ЕАБР), эластичность реального ВВП стран ЕАЭС по ВВП России в среднем составляет 0,52. Наиболее чувствительными к изменениям конъюнктуры в России являются Армения и Кыргызстан, наибольшую устойчивость демонстрирует экономика Казахстана¹.

За десятилетие с 1998 г. сформировался существенный разрыв между значениями показателя душевого ВВП по ППС в странах Союза: если соотношение значений для России и Кыргызстана в 1998 г. составляло 6,1 раза, то в 2007 г. — уже 8,7 раза. Общий подъем в мире, Европе и на постсоветском пространстве в начале 2000-х гг. дал свои положительные результаты, которые, естественно, определялись также неравномерностью уровня развития экономик, сформировавшихся еще в составе СССР, а также успехами проведенных реформ в период трансформации. За-

метим, что на постсоветском пространстве остается еще ряд стран, у которых уровень ВВП по ППС к 2017 г. остался ниже отметки 1990 г. (см. табл. 1). В начале столетия значения показателя душевого ВВП по ППС в странах — членах Союза находились в диапазоне от 14,1 тыс. межд. долл./чел. в России до 2,1 тыс. межд. долл./чел. в Кыргызстане, а в 2017 г. границы диапазона расширились до 3,3–25,4 тыс. межд. долл./чел. (табл. 2).

ПРОМЕЖУТОЧНЫЕ ИТОГИ ТРАНСФОРМАЦИИ И ИНТЕГРАЦИИ: ПОКАЗАТЕЛИ КАЧЕСТВА ИНСТИТУТОВ

В период существования Союза страны-члены существенно улучшили качество своих институтов. Институциональные реформы вывели отдельные страны (а именно, Россию и Армению) по качеству институтов на довольно высокий уровень, однако все еще заметно отстающий от развитых стран. Наиболее уязвимые места институциональных преобразований связаны с частной собственностью, что объясняется незавершенными процессами приватизации в регионе. Кроме того, по данным исследования ЕАБР, существенные проблемы развития институтов присутствуют, например, в энергетическом секторе Беларуси². Важно пони-

¹ Восстановление взаимного товарооборота в странах ЕАБР. Макрообзор ЕАБР, май 2017 г.

² European Bank for Reconstruction and Development (EBRD). 2017. Transition for All, Transition Report 2016–17. London (EBRD).

Таблица 2 / Table 2

ВВП на душу населения по ППС (цены 2011 г.), тыс. долл., население млн чел., 2000–2017 /
GDP per capita at PPP (2011 prices), thousand dollars, population, million, 2000–2017

	ВВП на душу населения по ППС (цены 2011 г.), тыс. долл.			Население, млн чел.		
	2000	2009	2017	2000	2009	2017
Армения	2,9	6,4	8,6	3,1	3,0	3,0
Беларусь	7,6	15,0	17,2	10,0	9,5	9,5
Казахстан	10,0	18,8	23,9	14,9	16,2	18,2
Кыргызстан	2,1	2,8	3,3	4,9	5,4	6,3
Россия	14,1	22,1	25,4	146,4	143,1	144,0
Справочно:						
Грузия	3,2	6,2	9,8	4,4	4,0	3,7
Молдова	2,3	3,6	5,2	3,6	3,6	3,5
Узбекистан	2,5	4,1	6,3	24,5	27,4	32,1
Украина	5,0	7,8	7,9	48,7	45,8	42,3

Источник / Source: МВФ / IMF.

Таблица 3 / Table 3

Страны ЕАЭС в рейтинге Doing Business-2018 и его подрейтингах (место из 190), 2007, 2015, 2018 / The EEU countries in the Doing Business rating of the 2018 and sub-ratings (of total 190 countries) in 2007, 2015, and 2018

Год	Показатель	Армения	Беларусь	Казахстан	Кыргызстан	Россия
2007	Doing business	34	129	63	90	96
	Создание предприятий	46	148	40	41	33
	Регистрация собственности	2	96	76	31	44
	Обеспечение исполнения контрактов	18	36	27	38	25
	Торговля через границы	119	113	172	173	143
2015	Doing business	45	57	77	102	62
	Создание предприятий	4	40	55	9	34
	Регистрация собственности	7	3	14	6	12
	Обеспечение исполнения контрактов	119	7	30	56	14
	Торговля через границы	110	145	185	183	155
2018	Doing business	47	38	36	77	35
	Создание предприятий	15	30	41	29	28
	Регистрация собственности	13	5	17	8	12
	Обеспечение исполнения контрактов	47	24	6	139	18
	Торговля через границы	52	30	123	84	100

Источник / Source: Doing business Index Reports, World Bank group, 2018.

Таблица 4 / Table 4

Индекс человеческого развития, 1990–2017 гг. / The human development index, 1990–2017

Страна	Место по ИЧР в мире	Значение ИЧР				
		1990	2000	2014	2015	2017
Армения	83	0,634	0,644	0,741	0,743	0,755
Беларусь	53		0,681	0,798	0,796	0,808
Казахстан	58	0,690	0,685	0,793	0,794	0,800
Кыргызстан	122	0,615	0,593	0,662	0,664	0,672
Россия	49	0,733	0,720	0,805	0,804	0,816

Источник / Source: Доклад об Индексе человеческого развития ООН / UN Human Development Index Report.

мать, что улучшенные институты будут служить основой для увеличения экономической активности и инвестиций.

Структурные сдвиги в качестве институциональной среды во многом обусловлены интеграционными процессами, которые нашли отражение в ряде оценочных показателей. Общий показатель деловой среды в ЕАЭС начал заметно опережать соседние страны (кроме Грузии). Так, в частности, за последнее десятилетие страны ЕАЭС продемонстрировали существенный прогресс по опросному показателю качества деловой среды (Doing Business Index), поднявшись в рейтинге. Россия (с 96 в 2007 г. до 35 в 2018 г.) и Беларусь (с 129 до 38 соответственно), Казахстан (с 77 до 36 соответственно) и Кыргызстан (с 102 в 2015 г. до 77 в 2018 г.) реализовали рывок именно в период участия в ЕАЭС (табл. 3). Страны ЕАЭС демонстрируют высокие значения по таким важным показателям, как создание предприятий и регистрация собственности, а также по ключевому (в том числе и в институциональной теории) пункту — обеспечение выполнения контрактов, с единственным исключением — в Кыргызстане. С точки зрения интеграции выполнение контрактов важно именно как всеобщее благо и фактор доверия в ведении бизнеса на пространстве Союза в целом.

Индекс человеческого развития (ИЧР), разрабатываемый ООН, представляет собой комбинацию уровня ВВП на душу населения, уровня образования и продолжительности жизни. В 2000-е гг. все страны постсоветского пространства демонстрировали значительное улучшение показателей доходов и при этом сохраняли высокие значения (при мировых сравнениях) показателей образования и других социальных параметров. Рецессия 2014–2016 гг. не привела к заметному спаду значений показателя

в странах ЕАЭС. В 2000 г. показатели ИЧР стран ЕАЭС находились в пределах 0,593–0,720, а к 2017 г. поднялись до 0,672–0,816. Значение ИЧР выросло у всех стран ЕАЭС, однако максимальное увеличение было у Беларуси (на 0,127), а минимальное — у России (на 0,096) (табл. 4).

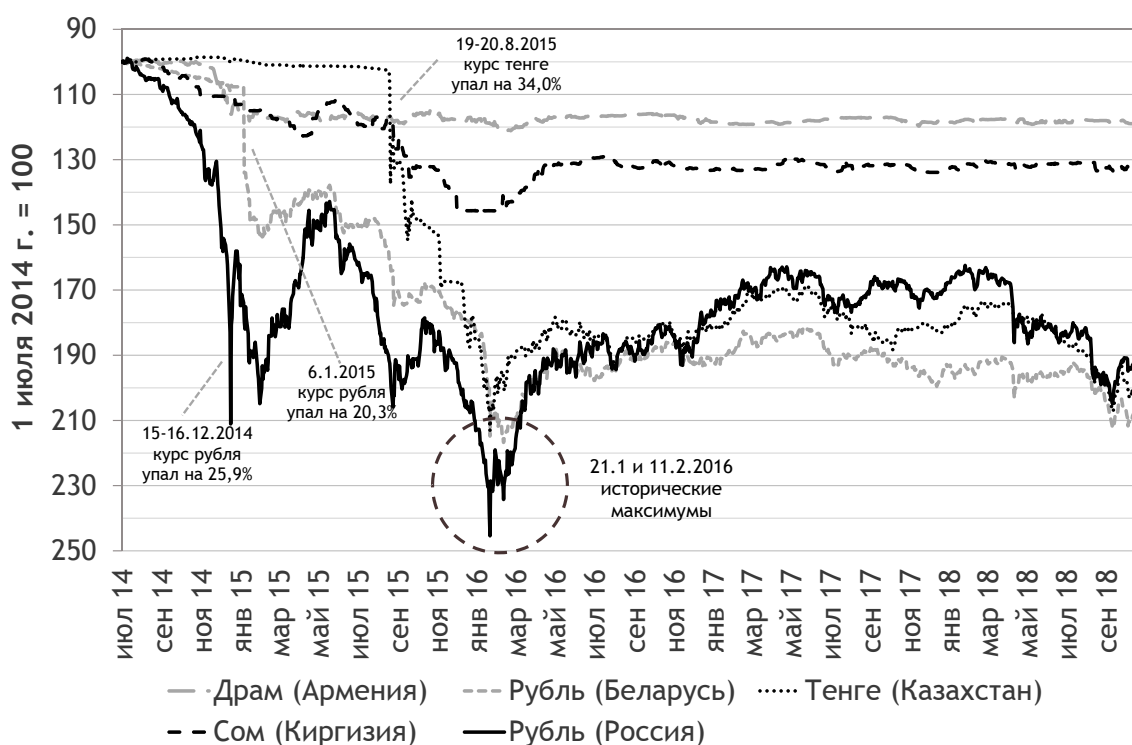
КУРСЫ ВАЛЮТ И ЛИЧНЫЕ ПЕРЕВОДЫ

Внешние шоки, внутренняя макроэкономическая политика и мировой деловой цикл увеличивают волатильность национальной валюты развивающихся стран. Это вынуждает центральные банки стран адаптироваться к внешним шокам и кризисам платежных балансов. Это характерно и для стран ЕАЭС: политика центральных банков Кыргызстана и Армении привела к высокой устойчивости курса сома и драма.

Поскольку экономика стран ЕАЭС во многом зависит от состояния экономики России, сильная девальвация российского рубля в 2014 г. привела к ослаблению национальных валют других стран относительно доллара США, особенно сильно — белорусского рубля и казахстанского тенге (см. рисунок). Следствием этого стало снижение долларовой объема экспорта и физического объема импорта, сокращение расходов домохозяйств, ВВП страны. Так, например, темпы прироста экономики Беларуси были отрицательными в 2015–2016 гг. (–3,9% и –2,6%), промышленное производство в 2016 г. сократилось на 0,4%, оптовый товарооборот снизился на 10,4%, розничный — на 4,1%, а инвестиции в основной капитал — на 17,9%.

Благодаря политике центральных банков, киргизский сом и армянский драм девальвировались к доллару США существенно меньше (на 20–30%) в середине 2016 г. по отношению к середине 2014 г.,

**Динамика курсов валют стран ЕАЭС к доллару, 2014–2018 гг. /
 Dynamics of exchange rates of the EAEU countries to the dollar, 2014–2018**

Примечание. Подписаны крупнейшие 1–2-дневные девальвации / Note: the largest 1–2-day devaluations have been signed.

Источник / Source: Thomson Reuters.

Таблица 5 / Table 5

Личные переводы,% ВВП / Personal remittances,% of GDP

	2000	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017
Армения	9,5	17,9	16,3	16,6	18,0	17,7	18,0	19,7	17,9	14,1	13,1	13,3
Беларусь	0,9	0,6	1,0	1,0	1,0	1,4	1,6	1,6	1,6	1,6	2,0	2,2
Казахстан	0,4	0,1	0,1	0,2	0,2	0,1	0,1	0,1	0,1	0,1	0,2	0,2
Кыргызстан	0,2	18,5	23,8	20,9	26,4	27,6	30,8	31,1	30,0	25,3	29,3	32,9
Россия	0,2	0,4	0,3	0,4	0,3	0,3	0,3	0,3	0,4	0,5	0,5	0,5
Справочно:												
Грузия	6,7	8,7	8,3	10,3	10,2	10,7	11,2	12,1	12,0	10,4	10,6	11,8
Молдова	13,8	33,9	31,2	24,9	30,2	25,8	27,3	27,4	26,0	23,6	21,5	20,2
Узбекистан	н/д	7,6	10,2	6,1	7,3	9,3	11,0	11,6	9,2	4,6	3,7	н/д
Украина	1,3	3,7	3,8	5,1	4,8	4,8	4,8	5,3	5,5	9,3	10,2	10,8

Источник / Source: Всемирный банк / the World Bank

а курсы российского и белорусского рубля, казахского тенге за аналогичный период ослабли практически вдвое.

Политика центральных банков Армении и Кыргызстана направлена на сохранение устойчивости курса национальных валют во многом потому, что в экономике стран большую роль играют личные переводы мигрантов. Именно они являются источником средств для личного потребления и капиталовложений внутри стран. В Кыргызстане личные переводы численно сопоставимы с национальными сбережениями. Важным фактором относительной устойчивости драма являются частные денежные переводы, которые увеличивают спрос на национальную валюту. Но текущие переводы пострадали из-за значительной девальвации российского рубля относительно и драма, и доллара. Однако сам объем накопленных сбережений в национальных валютах в обеих странах в основном сохранил свою долларовую стоимость.

В 2017 г. личные денежные переводы в Кыргызстан составили 32,9% ВВП (более 90% из которых поступили из России). Доля личных переводов в ВВП в Кыргызстане среди стран ЕАЭС максимальна. Это во многом связано с упрощением миграционной политики и увеличением объемов маятниковой миграции. В период экономической рецессии в России отношение личных переводов к ВВП в Армении несколько снизилось (с 19,7% в 2013 г. до 13,1% в 2016 г.), однако в 2017 г. увеличилось до 13,3%. Отношение личных переводов к ВВП в России, Беларуси и Казахстане остается на традиционно низком уровне.

ТОРГОВЛЯ

Объем внутрисоюзной торговли заметно уступает обороту внешней торговли Союза, что связано с ориентацией крупных экономик — России и Казахстана — на экспорт за пределы ЕАЭС. Взаимная торговля между экономиками ЕАЭС тем не менее продемонстрировала значительно большую устойчивость к кризису 2015–2016 гг. в России, чем внешняя торговля Союза, что было главным образом связано с неблагоприятной внешней конъюнктурой, в том числе динамикой цен на энергоносители, которые доминируют в экспортных поставках больших экономик Союза в третьи страны.

В структуре внутренней торговли Союза на минеральные топлива в среднем приходится почти 1/3 стоимостного объема, при этом более 84% товар-

ного оборота минеральных топлив на рынке ЕАЭС обеспечивает Россия, из которых свыше 70% — это экспорт сырой нефти из России в Беларусь для дальнейшей переработки и экспорта в страны Европы. Второй по величине товарной категорией являются «Машины и оборудование» — на нее в среднем приходится около 17,5% товарного оборота внутри ЕАЭС. Торговля товарами данной категории в ЕАЭС происходит в основном между Россией и Беларусью — свыше 96% стоимостного объема торговли товарами данной категории приходится на две эти страны. Продовольственные товары и сельскохозяйственное сырье — третья по величине товарооборота категория на внутреннем рынке ЕАЭС (в среднем около 15,7% взаимного товарооборота в стоимостном выражении). Практически 54% торговли товарами в этой категории происходит с участием Беларуси, 35% — с участием России. На долю металлов и изделий из них в среднем приходится около 11,8% взаимного товарооборота стран Союза. Свыше 60% товарооборота происходит с участием России. Кроме того, растет доля Казахстана — с 17,8% в 2015 г. до 25,2% в 2017 г.

Объем взаимной торговли в 2017 г. вырос относительно 2015 г. в основном за счет товарных категорий «Металлы и изделия из них» (+47,8%), «Машины и оборудование» (+33,9%), «Продукция химической промышленности» (+24,6%), а также «Продовольственные товары и сельскохозяйственное сырье» (+17,7%).

По данным UN Comtrade, в 2017 г. 60,0% экспортных и 31,4% импортных поставок внутри Союза пришлось на Россию — единственного нетто-экспортера в Союзе, 27,4 и 38,4% соответственно — на Беларусь (табл. 6). В целом взаимная торговля этих стран обуславливает достаточно высокую степень интеграции внутри Союза. Так, Беларусь, несмотря на близость к европейским рынкам, 46,4% стоимостного объема своих экспортных поставок направляет в страны ЕАЭС, 56,9% импорта — ввозит из стран Союза. Экспорт машиностроительной и продовольственной продукции Беларуси в Россию остается фактором стабильности производства в стране.

Россия является основным направлением внутрисоюзного экспорта для Армении (97,5% в 2017 г.), Беларуси (94,5% в 2017 г.) и Казахстана (88,2% в 2017 г.). Экспортные поставки Кыргызстана направляются в Казахстан (52,3%) и Россию (46,2% в 2017 г.). В географической структуре в 2017 г. внутрисоюзного импорта на Россию пришлось 96,5%

Таблица 6 / Table 6

Матрица внешней торговли между странами ЕАЭС в 2017 г., млн долл. США /
The matrix of foreign trade between the EAEU countries in 2017, million \$US

	Мир	Армения	Беларусь	Казахстан	Кыргызстан	Россия	Внутри ЕАЭС, %
В Из	Экспорт						
Армения	2145,0	—	6,9	4,9	1,8	540,5	25,8
Беларусь	29 267,1	34,5	—	587,9	123,4	12 835,3	46,4
Казахстан	48 342,1	4,4	95,5	—	503,2	4515,2	10,6
Кыргызстан	1790,8	0,0	8,6	297,2	—	262,2	31,7
Россия	359 152,0	868,8	15 537,4	11 924,2	1388,7	—	8,3
	Мир	Армения	Беларусь	Казахстан	Кыргызстан	Россия	Внутри ЕАЭС, %
В Из	Импорт						
Армения	3893,5	—	37,6	4,0	0,1	1165,7	31,0
Беларусь	34 230,7	7,1	—	96,8	6,6	19 359,5	56,9
Казахстан	29 345,9	4,6	508,6	—	255,2	11 472,9	41,7
Кыргызстан	4481,3	0,6	83,1	586,0	—	1180,5	41,3
Россия	228 212,8	427,6	10 691,6	4599,7	169,2	—	7,0

Источник / Source: Trademap по данным UN Comtrade / Trademap according to UN Comtrade dataset.

совокупных поставок в Армению, 99,4% — в Беларусь, 93,7% — в Казахстан, 63,8% — в Кыргызстан.

КЛАССИФИКАЦИЯ РЕГИОНОВ СТРАН ЕАЭС ПО УРОВНЮ РАЗВИТИЯ

Классификация территорий по уровню экономического развития позволяет определить вектор регионального развития с учетом специфики групп регионов. Задача классификации регионов оказывается актуальной при выявлении приоритетов региональной политики государства: возникает необходимость очертить, а впоследствии — обосновать список территорий, становящихся объектами правительственной поддержки. Чем выше неоднородность страны в региональном плане, тем сложнее ее развитие, тем выше требования к эффективной региональной политике. Страны со средним уровнем дохода, как правило, характеризуются высоким региональным и социально-экономическим неравенством [25]. В странах ЕАЭС ярко выражены оба вида неравенства.

МЕТОДОЛОГИЯ КЛАССИФИКАЦИИ

Используемая в данной работе синтетическая классификация регионов России была опубликована в 2011 г. и обновлена в июне 2017 г. [26] В соответствии с данной классификацией регионы были поделены на 9 типов, объединенных в 4 группы по уровню развития. Устойчивость классификации регионов неоднократно подтверждалась в исследованиях в 2013–2016 гг. [27]

В данной статье синтетическая классификация применяется для четырех стран ЕАЭС: Армении, Беларуси, Казахстана и Кыргызстана. Для оптимизации межстранового сравнения классификация была упрощена в соответствии с особенностями административного деления других участников ЕАЭС. В результате регионы сгруппированы в 4 категории:

- столицы и финансово-экономические центры;
- развитые регионы (как правило, с заметной концентрацией обрабатывающей промышленности);

Таблица 7 / Table 7

Доля населения и добавленной стоимости в типах регионов стран ЕАЭС, %, 2016 г. /
The share of population and value-added in the types of regions of the EAEU countries, 2016, %

	Армения		Беларусь		Казахстан		Кыргызстан	
	Доля насел.	Доля ВРП	Доля насел.	Доля ВРП	Доля насел.	Доля ВРП	Доля насел.	Доля ВРП
Фин-эк. центры	36,0	75,0	20,7	32,6	15,2	32,9	16,2	36,9
Развитые	21,8	11,3	41,0	38,4	42,1	36,8	22,5	29,9
Среднеразв.	32,0	9,7	38,4	28,9	29,2	17,2	28,2	20,7
Менее развитые	10,2	3,9			13,5	13,1	33,1	15,0

Источник / Source: статистические ведомства Армении, Беларуси, Казахстана, Кыргызстана, МВФ, расчеты авторов / statistical agencies of Armenia, Belarus, Kazakhstan, Kyrgyzstan, IMF, authors' calculations.

- среднеразвитые регионы (как правило, с заметной концентрацией добывающей промышленности);

- менее развитые.

Степень развитости региона оценивается в каждой стране отдельно. Анализ ограниченной региональной статистики (структура производства и уровни ВРП на душу населения) показывает, что наиболее подходящий метод для классификации регионов стран ЕАЭС опирается на использование показателя «вмененный ВРП по ППС на душу населения».

Региональная статистика в каждой из стран представлена в национальной валюте, что затрудняет межстрановое сравнение. Сущность использованного метода заключается в распределении ВВП по ППС по регионам страны пропорционально удельному весу ВРП регионов в суммарном ВРП страны в национальной валюте. Подушевые показатели рассчитываются путем деления вмененного ВРП по ППС на численность населения региона. Этот метод обеспечивает возможность сравнения между собой регионов разных стран за счет перехода к паритетам покупательной способности, а также элиминирует разницу между суммарным ВРП и ВВП страны. Так как в Армении официальная статистическая служба не рассчитывает ВРП, для анализа был применен условный ВРП по использованию (сумма объема строительства, розничных продаж и услуг) для каждого региона. Классификация регионов стран ЕАЭС рассчитана по данным 2016 г. в связи с тем, что национальные статистические органы публикуют статистику в региональном разрезе с запаздыванием.

Классификация регионов четырех стран ЕАЭС основана на нескольких принципах. Столицы всех стран и крупные финансовые центры выделены в отдельную категорию, что позволяет, в частности, оценить различия в уровне благосостояния столичных и провинциальных регионов.

При формировании группы «развитые регионы» использовано два показателя: относительно высокий уровень вмененного ВРП на душу населения и тип хозяйства. Для этой группы характерна относительно более высокая доля добавленной стоимости обрабатывающей промышленности в ВРП, а также высокая доля занятости во вторичном и третичном секторах экономики.

Среднеразвитые регионы по классификации принадлежат к промышленно-аграрным по типу хозяйства. В эту категорию включены регионы с вмененным ВРП на душу населения примерно равным и ниже среднего значения по стране. В структуре добавленной стоимости в регионах этого типа чаще всего превалирует добывающая промышленность.

Менее развитые регионы в основном относятся к категории аграрно-промышленных. Вмененный ВРП на душу населения регионов этого типа ниже среднего по стране, а в структуре добавленной стоимости и занятости большую долю занимает сельское хозяйство.

Доли различных групп регионов в общей численности населения и добавленной стоимости существенно варьируются в зависимости от страны (табл. 7). В Беларуси, Кыргызстане и Казахстане доля населения в финансово-экономических центрах составляет 20,7, 16,2 и 15,2% соответственно (36,0% в Армении). Отличительная особенность

Таблица 8 / Table 8

Классификация регионов ЕАЭС*, 2016 г. / Classification of the EAEU regions*, 2016

Страна	Финансово-экономические центры	Развитые	Среднеразвитые	Менее развитые
Армения	Ереван (18,0)	Котайкский (6,4) Сюникский (4,8) Арагатский (2,5)	Лорийский (3,2) Ширакский (3,0) Армавирский (2,4) Гегаркуникский (2,0)	Тавушский (3,5) Арагацотнский (3,2) Вайоц Дзорский (3,4)
Беларусь	Минск (28,6)	Минская (20,8) Гродненская (15,7) Гомельская (14,1)	Брестская (13,9) Могилевская (13,6) Витебская (13,4)	
Казахстан	Алматы (58,1) Астана (48,0)	Атырауская (82,2) Мангистауская (34,4) Карагандинская (25,8) ЗКО (30,4) Актюбинская (23,5) Павлодарская (25,1)	Акмолинская (19,9) ВКО (19,3) СКО (15,7) Кызылординская (16,3) Костанайская (16,6)	Алматинская (10,5) Жамбылская (10,2) ЮКО (9,3)
Кыргызстан	Бишкек (8,1)	Иссык-Кульская (5,3) Чуйская (4,4)	Ош (4,0) Нарынская (2,6) Джалал-Абадская (2,3)	Ошская (1,3) Баткенская (1,7) Таласская (2,9)

*В скобках указаны расчетные ВРП на душу населения, тыс. межд. долл./чел. / The calculated GRP per capita is given in parentheses, thousand \$US.

Источник / Source: статистические ведомства Армении, Беларуси, Казахстана, Кыргызстана, МВФ, расчеты авторов / statistical agencies of Armenia, Belarus, Kazakhstan, Kyrgyzstan, IMF, authors' calculations.

Армении состоит в самой высокой неравномерности распределения добавленной стоимости по регионам разных типов: отношение доли добавленной стоимости финансово-экономического центра (Еревана) к аналогичному показателю менее развитых регионов составляет 19,1 раза, что во многом объясняется крайне высокой ролью столичного региона в стране, отсутствием производства в менее развитых регионах страны и отчасти — особенностями расчета. Аналогичный показатель в Казахстане и Кыргызстане равен 2,5 раза, а в Беларуси, региональное неравенство в которой наименьшее, — 1,1 раза. В Беларуси и Казахстане наибольшую долю добавленной стоимости обеспечивают развитые регионы (38,4 и 36,8% соответственно).

КЛАССИФИКАЦИЯ РЕГИОНОВ СТРАН ЕАЭС

Столицы четырех стран и самые крупные финансовые центры выделены в отдельную категорию, что позволяет, в частности, оценить различия в уровне благосостояния между «столичной жизнью» и «провинцией» (табл. 8). Наиболее высокие значения ВРП по ППС на душу населения

у Алматы (58,1 тыс. межд. долл./чел.) и Астаны (48,0 тыс. межд. долл./чел.). Значения показателя значительно выше, чем у Минска (28,6 тыс. межд. долл./чел.), Еревана (18,0 тыс. межд. долл./чел.) и Бишкека (8,1 тыс. межд. долл./чел.). Важно заметить, что в реальности вмененный ВРП по ППС столичных регионов выше за счет высокой доли финансовых и внешнеэкономических услуг, которые статистически не распределены по регионам.

В категорию «развитые регионы» вошли 14 регионов из четырех стран ЕАЭС. В этой группе доминирует промышленное производство, а вмененный ВРП нефтедобывающей Атырауской области (82,2 тыс. межд. долл./чел.) в Казахстане превышает значения аналогичного показателя для финансово-экономических центров.

Среднеразвитые области по классификации принадлежат к промышленно-аграрным по типу хозяйства. Их число сравнимо с числом развитых регионов — 15 в 2016 г. В этой категории весьма значительные различия между средними уровнями вмененного ВРП по ППС на душу населения, в частности между областями Казахстана (среднее значение — 17,5 тыс. межд. долл./чел.),

Беларуси (11,5 тыс. межд. долл./чел.) и Кыргызстана (3,0 тыс. межд. долл./чел.), Армении (2,6 тыс. межд. долл./чел.).

Менее развитые области в основном относятся к категории аграрно-промышленных. Отметим, что

Беларусь отличается наиболее равномерным региональным развитием, поэтому ни один из регионов страны не относится к группе «менее развитые регионы». В Армении, Казахстане и Кыргызстане по три региона отнесены к этой группе.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Глазьев С. Ю., Чушкин В. И., Ткачук С. П. Европейский союз и Евразийское экономическое сообщество: сходство и различие процессов интеграционного строительства. М.: ООО «ВИКОР МЕДИА»; 2013.
2. Суздальцев А. И. Постсоветское пространство: единство и многообразие. *Россия и мир. Новая эпоха*. 2008;(12):384–410.
3. Косикова Л. С. Интеграционные проекты России на постсоветском пространстве: идеи и практика. М.: РАН, Институт экономики, Отделение международных экономических и политических исследований; 2008.
4. Либман А. Экономическая интеграция на постсоветском пространстве: институциональный аспект. *Вопросы экономики*. 2005;(3):142–156.
5. Григорьев Л., Кондратьев С., Салихов М. Трудный выход из трансформационного кризиса. *Вопросы экономики*. 2008;(10):77–95.
6. Кнобель А. Евразийский экономический союз: перспективы развития и возможные препятствия. *Вопросы экономики*. 2015;(3):87–108.
7. Кротов М. И., Мунтиян В. И. Евразийский экономический союз: история, особенности, перспективы. *Управленческое консультирование*. 2015;11 (83):33–47.
8. Быков А. Н. Евразийская интеграция, ее перспективы и возможности. *Российский экономический журнал*. 2014;(1):24–39.
9. Batsaikhan U., Dabrowski M. Central Asia — twenty-five years after the breakup of the USSR. *Russian Journal of Economics*. 2017;3(3):296–320.
10. Zhang X., Li L., Gabuev A. Competition or coordination? The Eurasian Economic Union and China's one belt, one road initiative. *Russian Analytical Digest (RAD)*. 2016;183.
11. Dutkiewicz P., Sakwa R. and Lukyanov F., eds. Eurasia on the Edge: Managing Complexity. URL: <https://carleton.ca/eurus/wp-content/uploads/Eurasia-on-the-Edge.pdf>.
12. Vinokurov E. Eurasian Economic Union: Current state and preliminary results. *Russian Journal of Economics*. 2017;3(1):54–70.
13. Галимов Д. И. и др. Межотраслевые эффекты торговой интеграции России в ЕАЭС. *Вопросы экономики*. 2017;(10):123–139.
14. Лагутина М. Л. ЕС и ЕАЭС: проблемы и перспективы сотрудничества в современных геополитических реалиях. *Управленческое консультирование*. 2015;11(83):124–136.
15. Зеленева И. В., Концова Е. А. АСЕАН и ЕАЭС: проблемы и перспективы сотрудничества. *Управленческое консультирование*. 2015;11(83):112–123.
16. Скриба А. С. Сопряжение ЕАЭС и Экономического пояса Шелкового пути: интересы участников и вызовы реализации. *Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика*. 2016;11(3):67–81.
17. Лапенко М. В. Внешний контур ЕАЭС: потенциал расширения и поиск оптимальных механизмов взаимодействия. *Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия История. Международные отношения*. 2016;16(1):71–76.
18. Wolczuk K., Dragneva R. The Eurasian Economic Union: Deals, Rules and the Exercise of Power. Chatham House; 2017.
19. Табах А. В., Подругина А. В. Наднациональное мегарегулирование: зарубежный опыт и перспективы ЕАЭС. *Вестник Московского университета. Серия 6: Экономика*. 2015;(4):122–143.
20. Логинов Е. Л., Борталевич С. И. Нефтяные и газовые рынки России и ЕАЭС: пути развития в условиях макроэкономической нестабильности. Монография. М.: Ин-т проблем рынка РАН; 2016.

21. Телегина Е.А., Халова Г.О., Студеникина Л.А. Энергетическая интеграция в ЕАЭС: особенности и перспективы. М.: Институт мировой экономики и международных отношений имени Е.М. Примакова; 2016.
22. Топилин А.В. Общий рынок труда и миграция: новые возможности в рамках ЕАЭС. *Вестник Самарского государственного экономического университета*. 2015;(10):69–76.
23. Боженко В.В. и др. Влияние дифференциальной интеграции на потоки денежных переводов трудовых мигрантов в ЕАЭС и ЕС. *Научное обозрение. Серия 1: Экономика и право*. 2014;(5):102–107.
24. Буторина О. Особенности евразийской модели экономической интеграции. *Современная Европа*. 2016;(2):28–32.
25. Григорьев, Л.М., Павлюшина, В.А., Социальное неравенство как проблема экономической стратегии России. *Мир новой экономики*. 2017; (3): 58–71.
26. Григорьев Л.М., Урожаева Ю.В., Иванов Д.С. Синтетическая классификация регионов: основа региональной политики. Российские регионы: экономический кризис и проблемы модернизации. Григорьева Л.М., Зубаревич Н.В., Хасаева Г.Р., ред. М.: ТЕИС; 2011.
27. Голяшев А.В., Григорьев Л.М. Типы российских регионов: устойчивость и сдвиги в 2003–2013 годах. М.: Аналитический центр; 2014. URL: <http://ac.gov.ru/files/publication/a/4363.pdf>.

REFERENCES

1. Glaz'ev S. Yu., Chushkin V.I., Tkachuk S.P. The European Union and the Eurasian Economic Community: similarities and differences in the processes of integration. Moscow: ООО «VIKOR MEDIA; 2013. (In Russ.).
2. Suzdal'tsev A.I. Post-Soviet space: unity and diversity. *Rossiia i mir. Novaya epokha*. 2008;(12):384–410. (In Russ.).
3. Kosikova L.S. Integration projects of Russia in the post-Soviet space: ideas and practice. Moscow: RAN, Institut ekonomiki, Otdelenie mezhdunarodnykh ekonomicheskikh i politicheskikh issledovaniy; 2008. (In Russ.).
4. Libman A. Economic integration in the post-Soviet space: institutional aspect. *Voprosy ekonomiki*. 2005;(3):142–156. (In Russ.).
5. Grigor'ev L., Kondrat'ev S., Salikhov M. Difficult way out of the transformational crisis. *Voprosy ekonomiki*. 2008;(10):77–95. (In Russ.).
6. Knobel' A. Eurasian Economic Union: development prospects and possible obstacles. *Voprosy ekonomiki*. 2015;(3):87–108. (In Russ.).
7. Krotov M.I., Muntiyan V.I. Eurasian Economic Union: history, features, prospects. *Upravlencheskoe konsul'tirovanie*. 2015;11(83):33–47. (In Russ.).
8. Bykov A.N. Eurasian integration, its prospects and opportunities. *Rossiiskii ekonomicheskii zhurnal*. 2014;(1):24–39. (In Russ.).
9. Batsaikhan U., Dabrowski M. Central Asia — twenty-five years after the breakup of the USSR. *Russian Journal of Economics*. 2017;3(3):296–320.
10. Zhang X., Li L., Gabuev A. Competition or coordination? The Eurasian Economic Union and China's one belt, one road initiative. *Russian Analytical Digest (RAD)*. 2016;183.
11. Dutkiewicz P., Sakwa R. and Lukyanov F., eds. Eurasia on the Edge: Managing Complexity. URL: <https://carleton.ca/eurus/wp-content/uploads/Eurasia-on-the-Edge.pdf>.
12. Vinokurov E. Eurasian Economic Union: Current state and preliminary results. *Russian Journal of Economics*. 2017;3(1):54–70.
13. Galimov D.I. et al. Cross-sectoral effects of Russia's trade integration in the EAEU. *Voprosy ekonomiki*. 2017;(10):123–139. (In Russ.).
14. Lagutina M.L. The EU and the EAEU: problems and prospects of cooperation in the current geopolitical realities. *Upravlencheskoe konsul'tirovanie*. 2015;11(83):124–136. (In Russ.).
15. Zeleneva I.V., Kontsova E.A. ASEAN and the Eurasian Economic Union: problems and prospects of cooperation. *Upravlencheskoe konsul'tirovanie*. 2015;11(83):112–123. (In Russ.).
16. Skriba A.S. Pairing the EAEU and the Silk Road economic belt: the interests of the participants and the challenges of implementation. *Vestnik mezhdunarodnykh organizatsii: obrazovanie, nauka, novaya ekonomika*. 2016; 11(3):67–81. (In Russ.).

17. Lapenko M.V. The external outline of the EAEU: potential for expansion and search for optimal mechanisms of interaction. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya Istoriya. Mezhdunarodnye otnosheniya*. 2016;16(1):71–76. (In Russ.).
18. Wolczuk K., Dragneva R. The Eurasian Economic Union: Deals, Rules and the Exercise of Power. Chatham House; 2017.
19. Tabakh A.V., Podrugina A.V. Supranational mega-regulation: foreign experience and prospects of the EAEU. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 6: Ekonomika*. 2015;(4):122–143. (In Russ.).
20. Loginov E.L., Bortalevich S.I. Oil and gas markets of Russia and EAEU: ways of development in the conditions of macroeconomic instability. Monographs. Moscow: Market Economy Institute of RAS; 2016. (In Russ.).
21. Telegina E.A., Khalova G.O., Studenikina L.A. Energy integration in the EAEU: features and prospects (pp. 72–79). Moscow: IMEMO RAS; 2016. (In Russ.).
22. Topilin A.V. A common labour market and migration: new opportunities in the framework of the EAEU. *Vestnik Samarskogo gosudarstvennogo ekonomicheskogo universiteta*. 2015;(10):69–76. (In Russ.).
23. Bozhenko V.V. et al. The impact of differential integration on the remittance flows of labor migrants in the EAEU and the EU. *Nauchnoe obozrenie. Seriya 1: Ekonomika i pravo*. 2014;(5):102–107. (In Russ.).
24. Butorina O. Features of the Eurasian model of economic integration. *Sovremennaya Evropa*. 2016;(2):28–32. (In Russ.).
25. Grigor'ev L.M., Pavlyushina V.A., Social inequality as a problem of Russia's economic strategy. *Mir novoi ekonomiki*. 2017;(3):58–71. (In Russ.).
26. Grigor'ev L.M., Urozhaeva Yu.V., Ivanov D.S. Synthetic classification of regions: the basis of regional policy. In Russian regions: economic crisis and modernisation problems. L.M. Grigor'ev, N.V. Zubarevich, G.R. Khasaev, eds. Moscow: TEIS; 2011. (In Russ.).
27. Golyashev A.V., Grigor'ev L.M. Types of Russian regions: Stability and shifts in 2003–2013. Moscow: Analiticheskii tsentr, 2014. URL: <http://ac.gov.ru/files/publication/a/4363.pdf>. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Леонид Маркович Григорьев — кандидат экономических наук, ординарный профессор, научный руководитель Департамента мировой экономики, НИУ ВШЭ; главный советник руководителя Аналитического центра при Правительстве Российской Федерации, Москва, Россия

lgrigor1@yandex.ru

Влада Владимировна Бриллиантова — научный сотрудник Управления научно-исследовательских работ, Аналитический центр при Правительстве Российской Федерации, Москва, Россия

vladibri94@gmail.com

Виктория Александровна Павлюшина — стажер-исследователь Банковского института НИУ ВШЭ; заместитель начальника управления научно-исследовательских работ, Аналитический центр при Правительстве Российской Федерации, Москва, Россия

pa_victoria@mail.ru

ABOUT THE AUTHORS

Leonid M. Grigoriev — Cand. Sci. (Econ.), Professor, Head of the HSE Department of the World Economy; chief adviser to the Head of the Analytical centre under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia

lgrigor1@yandex.ru

Vlada V. Brilliantova — research fellow, Department of research and development, Analytical centre under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia

vladibri94@gmail.com

Viktoriya A. Pavlyushina — research intern at the HSE Banking Institute, Deputy head of the Research Department at the Analytical centre under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia

pa_victoria@mail.ru

